А. А. Плетнева

ЛУБОЧНАЯ БИБЛИЯ

Язык и текст

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

А. А. Плетнева

ЛУБОЧНАЯ БИБЛИЯ

Язык и текст

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК 80/81
ББК 82
П 38

Работа выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН
(программа «История, языки и литературы славянских народов
в мировом социокультурном контексте»)
и РГНФ (проект № 07-04-00359)

Плетнева А. А.

П 38 Лубочная библия: язык и текст. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 392 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-9551-0650-6

Впервые предметом специального анализа становится язык и текст русского библейского лубка. Язык лубочных листов анализируется в контексте языковой ситуации России XVIII—XIX вв. и рассматривается как язык массовой литературы, который по ряду параметров отличается и от русского литературного, и церковнославянского языка.

Содержание библейских лубков характеризует представления крестьян и мещан о границах Священного Писания. Здесь библейские тексты сосуществуют с ветхозаветными апокрифами, житийной и святоотеческой литературой, с переводами и пересказами западноевропейских литературных текстов (Джон Мильтон и др.). В книге осуществлена лингвистическая публикация значительного корпуса библейских лубков, установлены их источники и сформулированы принципы работы создателей лубочных листов.

ББК 82

*В оформлении переплета использован лист
из серии лубков «История Иосифа», хранящихся
в Российской национальной библиотеке.
Иллюстрация воспроизведена по альбому Д. А. Ровинского*

ISBN 978-5-9551-0650-6

© Плетнева А. А., 2013
© Языки славянской культуры, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Введение в проблематику

1. Общие проблемы лубочной письменности 11
1.1. Лубок и городская культура 13
1.2. Лубочная письменность: границы явления. 18
1.2.1. Нормообразующая роль цензуры и постепенная утрата самобытности 19
1.2.2. Старообрядческий рисованный лубок. 21
1.2.3. Лубочная словесность и ее аудитория 25
1.3. Лубок и традиционная грамотность 30
1.3.1. Круг чтения людей, получивших традиционное образование. 35
1.4. На каком языке написаны лубочные тексты? 40

2. Библейский лубок и его история 46
2.1. Лубочная Библия и западноевропейские гравированные Библии 46

3. «Старое» и «новое» восприятие библейских сюжетов 52
3.1. Элементы культуры Нового времени: западноевропейское влияние 52
3.2. Параллели из «старой» культуры: гимнография и паремейные чтения. 55

4. Церковнославянские библейские лубки 58
4.1. Источники церковнославянского лубка. 58
4.2. Лубок и основные редакции славянского библейского текста 68
4.3. Принципы редактирования библейского текста. 70
4.4. Церковнославянский язык библейского лубка 78

5. Русский библейский лубок. 95
5.1. Источники русского библейского лубка 96
5.2. Библия в пересказе просвещенного европейца 101
5.3. Языковые особенности русского лубка. 105

6. Лубки на основе литературных поэтических текстов 111

7. Библейский лубок и устная народная традиция 115

Комментированное издание

Предисловие к публикации текстов 121

I. Библейские церковнославянские лубки 125
Сюжеты о Сотворении мира, грехопадении прародителей и убийстве Авеля 125
1. Сотворение мира по Библии Кореня 127
2. Сотворение мира 148
3. Сотворение мира 163
4. Грехопадение 166
5. Плач Каина 170
6. Рукописание Адамово 176
7. Вавилонская башня 183
8. Лот с дочерями 187
Сюжеты об Иосифе Прекрасном. 194
9. Житие Иосифа Прекрасного 197
10. Житие Иосифа Прекрасного и завещание Иакова . . 215
Сюжет о Валаамовой ослице. 236
11. Валаамова ослица. 237
12. Валаамова ослица 243
13. Валаамова ослица 248
14. Смерть Авессалома 256
15. Товия у Рагуила 265
16. Есфирь. 270
17. Иов. 274
18. 148-й псалом. 282
Сюжет о Сусанне и старцах. 287
19. Сусанна и старцы. 287
20. Сусанна и старцы 297
21. Пророк Иона. 300

II. Русские дидактические пересказы библейского текста 307
1. Сотворение мира. 307
2. Потоп 310
3. Жертвоприношение Авраама 312
4. История Иосифа Прекрасного. 315
5. История Иосифа Прекрасного. 321
6. Самсон и Далида. 346
7. Иудифь. 348

8. Есфирь 350
9. Уборная Есфири 353
10. Иов 354
11. Иов 358

III. Библейские лубки, имеющие литературный источник 361
1. Песнь песней в переложении Мардария Хоныкова 361
2. Первый псалом в переложении Ломоносова 365
3. Сотворение мира в версии Джона Мильтона. 369

Литература 370

Указатель имен 379

1. Общие проблемы лубочной письменности

Настоящая работа посвящена лубочной Библии, то есть лубочным книжкам или картинкам, так или иначе соотнесенным с ветхозаветными сюжетами. Следует сразу же подчеркнуть, что я рассматриваю не просто библейские сюжеты, а библейские сюжеты в русском лубке, и что при исследовании лубка изучается не архаика, а культура Нового времени.

Лубки, или народные картинки, появились в России в XVII в., а в XVIII—XIX вв. они стали чрезвычайно популярными и издавались огромными тиражами. Соединение изображения и текста отвечало эстетическим и познавательным потребностям читателей лубка: купцов, мещан и крестьян. На протяжении XVIII—XIX вв. лубочная письменность играла роль массовой литературы. Именно из лубочных текстов грамотные крестьяне черпали сведения об окружающем мире. Известный рассказ Феклуши (драма Островского «Гроза») про людей с песьими головами исторически восходит к средневековым космографиям.

> Говорят, такие страны есть, милая девушка, где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут персидский; и суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и, что ни судят они, все неправильно. ⟨…⟩ И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!» А то есть еще земля, где все люди с песьими головами [Островский 2002: 109].

При этом массовый читатель XIX века узнавал о существовании киноцефалов именно из лубочных картинок. Вот, например, отрывок из лубочной космографии, где сообщается о разных необычных существах:

> островъ живутъ на немъ люди главы в нихъ видомъ песьи человецы велицы и страшливые(.) много несемъ острову каменіе драгоцен-

ныхъ; островъ на немъ живутъ людие власы у нихъ имеютъ видомъ лвови веліцы і страшны зело во удивление. островъ пусътъ живутъ на немъ змиі лице девичье (;) до пупа человекъ а отпупа у нихъ и хоботъ змиевъ крылати а зовамы василиски [Ровинский II: 267—268].

Такие сведения о народах, живущих в отдаленных землях, не вызывали больших сомнений, потому что рядом помещались сведения о России, вполне известные и очевидные[1]:

Царствующи градъ Москва даже доныне благочестие сияетъ по преданию сѣихъ отецъ и семи соборовъ апостоловъ и сѣихъ отецъ бжіихъ сѣая со всякимъ пеніемъ и благочинно и благолепіемъ укърашенны(.) родима хлебомъ и скотомъ; ⟨…⟩ море балтиское древле варяжское ізнемецкіхъ земель корабелноі ходъ и в санктпитербурхъ; соловецкоі островъ ѣверстъ околу ходу корабелнаго ко архангелскому городу моремъ; лопари росиіския ездятъ на оленяхъ ядятъ мясо и рыбы [Ровинский, II: 273].

Лубок повествовал обо всем, что интересовало его читателей, и претендовал на звание народной энциклопедии. Существовали лубки, являющиеся переработкой газетных текстов, произведений русской классической и древнерусской литературы, переводных новелл и т. д. Многие жанры письменности XVIII—XIX в. имели аналог в лубке. Филологическая (и лингвистическая) проблематика, касающаяся этих текстов, почти не затрагивается ни в отечественных, ни в зарубежных работах, и поскольку нельзя объять необъятное, приходится ограничивать исследуемый материал. При этом данное исследование представляет собой не исследование лубка самого по себе, а сравнение лубочной версии языка и текста с версиями языка и текста, принадлежащими к иным стратам русской культуры. Исследование ведется в двух аспектах. С одной стороны, будет рассматриваться соотношение языка лубочной письменности с современными ей кодифицированными языками — церковнославянским и русским литературным. С другой стороны, предметом исследования станет рецепция народной культурой библейского текста.

В данной книге предпринято комментированное лингвистическое издание значительного корпуса лубочных переложений Священного Писания. Рассмотрены следующие сюжеты и тексты: сотворение мира, изгнание прародителей из рая, Каин и Авель, всемирный потоп,

[1] О том, что все паранормальные явления происходят за пределами России см. [Плетнева 2001б: 55—56].

вавилонское столпотворение, Лот с дочерьми, жертвоприношение Авраама, история Иосифа Прекрасного, Валаамова ослица, Давид и Авессалом, Самсон и Далида, Юдифь и Олоферн, Товия у Рагуила, Есфирь, многострадальный Иов, 148-й псалом, Сусанна и старцы, история пророка Ионы, а также лубочные версии литературных переложений Священного Писания (Песнь песней в переложении Мардария Хонькова, Первый псалом в переложении Ломоносова и Сотворение мира по переводу «Потерянного рая» Джона Мильтона). Некоторые сюжеты публикуются в нескольких версиях.

Проанализированный и опубликованный здесь материал достаточно объемен, однако полной эта публикация не является. Отсутствие сводных каталогов народной гравюры XIX века, а для большинства лубочных собраний даже и описаний, делает такую работу невозможной. Однако для обсуждения лингвистических проблем, связанных с языком лубка, этот материал вполне достаточен. Ссылки на тексты, приведенные во второй части этой книги, даются в фигурных скобках.

1.1. Лубок и городская культура

Исследователи неоднократно отмечали, что в XVIII в. лубок — явление городской жизни. «“Народом” наших картинок, — писал А. А. Федоров-Давыдов, изучавший социологию бытования лубочных картинок, — было ⟨…⟩ мелкое городское и служилое население. Хронологические рамки здесь — приблизительно с середины XVIII по первую четверть XIX в.» [Федоров-Давыдов 1927: 103]. Поэтому, прежде чем анализировать лубочные тексты, следует сказать несколько слов о том, что в XVIII в. представляла собой культура русского города.

В крупных городах (в первую очередь, в Москве) во второй половине XVII в. начался процесс становления новой национальной культуры, которая испытывала значительное западное влияние [Панченко 1984]. В это время в России появился барочный театр, виршевая поэзия, получила широкое распространение гравюра. Но, в отличие от более позднего времени, европеизация XVII в. не противопоставляла заимствований национальной традиции. Здесь не было установки на вытеснение, полной замены старого новым (поэтому, например, европейские гравированные книги были настолько адаптированы к соответствующей литературной и изобразительной

Рис. 1. Торговец лубками. Гравюра втор. пол XIX в. [Lubok 1984: 161]

традиции, что стали вполне органичной частью русской городской культуры).

Именно в городах начали записываться переработанные фольклорные произведения. Здесь создавались и новые оригинальные сочинения, ушедшие от средневековой письменной традиции, переводились тексты, имеющие западноевропейское происхождение. О языке этих переводов следует сказать особо. Городская письменная культура ориентирована не столько на церковнославянский язык, сколько на свой койне. Это наддиалектное образование так и не приобрело статуса литературного языка и обычно связывается с просторечием [Сорокин 1949; Князькова 1974: 7—9]. В юго-западной Руси близкий тип письменного языка назывался «простой мовой»[1]. Слово «просторечие», изначально не несущее в себе никаких отрицательных коннотаций, превратилось в отрицательное в XVIII в., когда русская городская культура была объявлена простонародной и сниженной, а на роль национальной стала претендовать культура нового типа, во многом ориентированная на образование и быт дворянского сословия.

Развитие городской культуры было прервано петровскими преобразованиями, моделировавшими культуру новой России на совершенно иных основаниях, как бы с чистого листа. Характерно, что появлению нового литературного языка предшествовала азбучная реформа. Именно реформированная азбука стала впоследствии использоваться новой российской словесностью. При этом западные заимствования XVII в. ассоциировались не с европейскими образцами, а с отвергаемым прошлым. Новая культура видела в бывших рыцарских романах, в XVII в. распространившихся как сказки («Петр златые ключи», «Сказка о Бове Королевиче» и др.), образцы отвергаемой старой Руси и предлагала новые собственные переводы. А старые переводы объявлялись безнадежно безграмотными. Весьма характерной в этом отношении является Эпистола первая о русском языке А. П. Сумарокова, где названия текстов приводятся в качестве знаков отвергаемого новой культурой дурного стиля и устаревшего языка:

Но льзя ли требовать от нас исправна слога?
Затворена к нему в учении дорога,
лишь только ты склады немного поучи
Изволь писать «Бову», «Петра Златы Ключи»,

[1] См. [Успенский 2002: 388—392].

Подьячий говорит: «Писание тут нежно,
Ты будешь человек, учися лишь прилежно!»
И я то думаю, что будешь человек;
Однако грамоте не станешь знать вовек.
[Сумароков 1957: 114]

Новая литература и литературный язык создавались в столицах и были непосредственно связаны с дворянством[1]. При этом представители податных сословий в большинстве своем принадлежали к иному типу культуры. Это была та самая городская культура, о которой мы говорили выше. С позиций дворянства культура податных сословий была культурой второго сорта. Но для купцов и городских мещан эта культура еще очень долгое время сохраняла актуальность. И если дворянин читал русские и французские журналы и силлабо-тонические стихи, то для мещанина или купца более органичными были лубочная письменность и силлабика.

Взгляд дворянской культуры на городскую хорошо иллюстрирует семантическая эволюция слова «мещанин». Из обычного наименования городского жителя слово «мещанин» стало обозначать человека «с мелкими интересами и узким кругозором» [Ожегов 1987: 301]. То же самое произошло и с оригинальной городской культурой XVII в. В XVIII в. она продолжала существовать, но оставалась в стороне от процессов создания общенациональной русской культуры.

Лубочная письменность является прямым наследником письменной культуры русского допетровского города. При этом, вытесненные на периферию, городская (мещанская) культура и соотносимая с ней лубочная письменность оказались за пределами внимания исследователей. История русской культуры описывает или дворянскую, или народную культуру (которая отождествляется с фольклором). При таком подходе городская письменная культура не замечается. Связано это с тем, что городскую письменность нельзя отнести к фольклору, поскольку изучение русского фольклора ориентировано на устную традицию, а не на письменную. А в историю русской литературы городскую книжность XVIII—XIX веков также не удается включить, поскольку она нарушает все языковые и художественные нормы русской литературы.

[1] Характеризуя русскую культуру Нового времени как дворянскую, я отдаю себе отчет в том, что к ней принадлежали не только дворяне, но также разночинцы и определенная часть духовенства и купечества. Однако начиная с Екатерининской эпохи, дворянская культура стала тем эталоном, на который ориентировались представители иных сословий. Подробнее см. [Плетнева, Кравецкий 2009: 128—130].

Из-за своего гибридного характера лубочная письменность очень плохо вписывается в привычные исследовательские парадигмы. Лубок как явление культурной жизни принципиально двойственен. По отношению к нему неприменимы те дихотомические пары, при помощи которых мы привычно членим реальность культуры. Здесь элементы привычных оппозиций благополучно сосуществуют. Это, в частности, относится к противопоставлению церковнославянского и русского языков. Лубочная письменность не знает оппозиции *славянизм — русизм*. Эти элементы стилистически немаркированы. Славянизмы здесь не являются маркерами высокого стиля, а употребление русизмов не создает эффекта стилистического снижения. В рукописных сборниках и лубках пересказ библейского текста может следовать церковнославянской традиции, а может, опережая появление стандартного текста русской Библии, ориентироваться на русский язык. Приведем несколько наиболее очевидных пар.

- *Оппозиция «свое — чужое»*. Исторически лубок является заимствованием, восходящим к западноевропейским гравюрам (см. раздел 2.1). При этом русское культурное сознание видит в лубке самобытное явление русской культуры. Здесь принципиально не различается оригинальная и переводная литература. Заимствованные образы и сюжеты вполне органично сочетаются с национальными. Читатели лубочных текстов не догадывались, что «славный объедала и веселый подпивала» — это Людовик XVI, пришедший в лубочную письменность из французских карикатур (рис. 2).
- *Оппозиция «Новое время — Средневековье»*. Лубочная книжность развивается в Новое время, но опирается на традиции средневековой книжности [Хромов 1998: 67]. Она одновременно несет в себе черты двух культурных эпох. Вирши Мардария Хоникова на «Песнь песней» сосуществуют здесь с силлабо-тоническими переложениями псалмов М. В. Ломоносова.
- *Оппозиция «религиозное — светское»*. Листы на библейские сюжеты висели рядом с листами фривольного содержания. Да и сами библейские лубки могли оказываться поводом для изображения эротических и просто малопристойных сцен. Например, на листе «Сусанна и старики» изображались старцы, держащие Сусанну за обнаженную грудь. Не отличался особым целомудрием и лубок, изображавший неудачное соблазнение Иосифа женой Пентефрия.

Рис. 2. Лубок «Славный объедала и веселый подпивала» является русской перегравировкой французской карикатуры на Людовика XVI [Lubok 1984: 161]

- *Оппозиция «славянизм — русизм»*. Церковнославянские и русские формы не являются стилистическими инструментами. В пересказах Священного Писания широко используется русский язык, а лубочные раешные стихи содержат большое количество славянизмов, несвойственных не только устной речи, но и русскому литературному языку этого времени.
- *Оппозиция «устное — письменное»*. Источниками лубочных текстов являются как произведения письменности, так и фольклорные тексты.

1.2. Лубочная письменность: границы явления

Термин «лубок» был введен в употребление И. М. Снегиревым. Использовалось ли до Снегирева слово «лубок» в значении ‘гравированная картинка’, сказать трудно. Вероятнее всего, И. М. Снегирев являет-

ся создателем этого термина так же, как и термина «парсуна» [Хромов 1998: 37, 39]. В древнерусских текстах слово «лубок» в значении ‘гравированная картинка’ не зафиксировано[1]. В текстах конца XVII в. гравированные листы назывались «фряжскими листами», в конце XVIII — перв. пол. XIX в. преобладали описательные названия — «московские картинки», «забавные исторические листы», «карикатуры от Спасского моста», «народные картинки». И лишь после Снегирева общеупотребительным становится название «лубочные картинки»[2].

> В. И. Даль фиксирует слово «лубок». Это слово приводится как общеупотребительное, к которому даются диалектные параллели: «Лубочная картинка, суздальская, твр. богатырь, сиб. панóк, резалась встарь на липовых досках, затем на латуни; она, с подчинением цензуре, исчезла»[3].

С течением времени снегиревский термин вытеснил остальные названия, о чем, в частности, свидетельствует процитированный выше фрагмент словаря В. Даля. Введенное И. Снегиревым слово начало жить собственной жизнью. Вскоре о массовой коммерческой литературе, в том числе и изданной наборным способом, начинают говорить как о лубочной литературе.

Чисто формальным способом определения термина «лубок» пользуются искусствоведы и историки книги. Они понимают под лубком определенный вид цельногравированных изданий [Хромов 1998: 72]. Для решения многих филологических задач такое определение очень удобно. Это связано с тем, что, по крайней мере до 30-х годов XIX в., лубки могли выходить без санкции государственных органов. А значит, лубки не подвергались той языковой нормализации, которой подвергались тексты, выходящие с дозволения цензуры.

1.2.1. Нормообразующая роль цензуры и постепенная утрата самобытности

Участие цензоров в утверждении нормы русского литературного языка наиболее активно проявлялось в борьбе с просторечием, которое цензорами безжалостно изгонялось. В 1802 г. духовная цензура

---

[1] СЛРЯ XI—XVII вв. выделяет для слова *лубок* значения ‘луб; кусок, полоса луба’ и ‘короб из луба’ [СЛРЯ XI—XVII, 8: 291].

[2] Материал и историографический обзор см. [Хромов 1998: 35—55].

[3] [Даль, II: 270].

отвергает произведения, «писанные таким штилем, каковый обыкновенно употребляется в русских сказках, которые простолюдины пересказывают друг другу от самыя непросвященныя древности» [Живов 1996: 477]. А пятьюдесятью годами позже духовная цензура возражала против таких слов и выражений, как *водить за нос*, *хлопать ушами*, *бабий народ*, *девки*, *плут*, *пьяница*, *мальчишка* и т. д. [Там же: 477]. Поэтому включение лубочных текстов в общую систему цензурирования, при которой библейский лубок должен был оказаться в ведении духовной цензуры, теоретически означало мощную языковую унификацию и сближение лубочного языка с общелитературной нормой, церковнославянской или русской.

Как известно, Д. А. Ровинский включил в свое знаменитое описание лишь те лубочные листы, которые вышли «до 1839 года, т. е. до того времени, когда все сказки и вновь издаваемые отдельные листы стали выходить с дозволения цензуры» [Ровинский 1881, I: I]. При этом, приводя исторический очерк цензурирования народных картинок, Д. А. Ровинский [Там же, V: 30—36] ссылается на значительное число указов об обязательном цензурировании лубочной продукции, которые появились до 1839 г. Подобные указы издавались и позже этой даты. Обилие указов свидетельствует о том, что они не исполнялись. Неподцензурные лубки продолжали печататься и после 1839 года. Через 10 лет после этой даты московский губернатор граф А. А. Закревский вынудил московских заводчиков уничтожить и продать на лом не имеющие цензурных разрешений медные доски[1] [Там же, V: 34—35]. Мы видим, что 1839 г. является достаточно условной датой, принятой Д. А. Ровинским с целью установления хронологических рамок своей работы. Поэтому говорить о том, что существует временная точка, после которой усилиями цензоров граница между лубочной и обычной литературой стирается, едва ли возможно.

История взаимоотношения государственных структур с издателями народной письменности — это история вполне сознательной деятельности государства, направленной на внедрение в народ собственных языковых и культурных моделей. Не случайно Московская синодальная типография еще в 1742 году пыталась получить для продажи своих изданий место на Спасском мосту, то есть в центре продажи лу-

[1] История с уничтожением гравировальных досок демонстрирует, насколько малодостоверными являются наши знания о практическом применении цензурных правил по отношению к лубочной продукции. Д. А. Ровинский рассказывает эту историю со слов И. А. Голышева, который позже описал этот эпизод несколько иначе [Голышев 1882: 7].

бочной продукции, «где уже издавна вольных купцов книжные лавки всем знакомы» [Алексеева 1976: 14]. То есть, с одной стороны, государственные типографии стремились потеснить лубочных издателей, а с другой — цензоры пытались приблизить лубочную продукцию к нормам литературного языка и художественного вкуса. В этом же ряду стоит обращение Синода (1766 г.) в Академию художеств с просьбой высказать свое мнение о «священных изображениях», напечатанных различными фабрикантами. На основе полученного отзыва Синод дает фабриканту Михаилу Артемьеву привилегию на печать таких листов [Там же: 16]. Насколько мы можем судить, результаты подобного культуртрегерства были более чем скромными.

Не особенно эффективной была и осуществляемая цензорами языковая правка. О характере такой правки можно судить по примерам, приведенным в книге О. Р. Хромова. Так, цензор Ф. Голубинский в листе «Успение пресвятые Богородецы» исправляет *е* на *и*. В другом листе слово *рожество* исправляется на *рождество* [Хромов 1998: 164]. Все эти исправления направлены на приближение орфографии и пунктуации цензурируемого листа к общепринятому стандарту. Но добиться полного соответствия стандарту так и не удалось.

1.2.2. Старообрядческий рисованный лубок

Привлекая в этой работе старообрядческий рисованный лубок, то есть лубочные листы, не напечатанные, а целиком нарисованные, я совершенно сознательно отказываюсь от того технологического определения лубка, о котором говорилось в предыдущей главе. В данном случае это вполне правомерно. Во-первых, потому, что рисованные лубки являются воспроизведением существующего жанра. Можно сказать, что рисованный лубок является лубком в той же степени, в какой бумажная икона является иконой. Во-вторых, рисованные лубки, естественно, не подвергались цензорскому языковому нормированию.

Причины распространения в старообрядческой среде рисованного лубка вполне прозрачны. Вплоть до 1906 г. у старообрядцев практически не было легальных типографий[1], поэтому ручной способ копирования книжной продукции был для них особенно актуальным.

[1] Очерк типографского дела у старообрядцев см. [Вознесенский и др. 1996: 3—6].

Бытование лубков у старообрядцев не имело никаких специфических особенностей. Лубочные листы покупались и вешались на стене. О том, что рисованные лубки предназначались на продажу, свидетельствуют сохранившиеся на обороте многих листов указания на их цену. То есть изготовление этих листов носило коммерческий характер, что еще раз подчеркивает их сходство с печатной продукцией. Единственным заметным отличием рисованных лубков от печатных является явное преобладание листов поучительного характера при том, что развлекательных картинок здесь очень мало.

Исследователь рисованного лубка Е. И. Иткина полагает, что появление старообрядческого лубка является ответом на «социальный заказ» внутри сообщества: старообрядцы должны пропагандировать и свою культуру, и свои ценности [Иткина 1992: 9]. Действительно, в старообрядческом лубке большое количество собственно старообрядческих сюжетов (портреты Андрея и Семена Денисовых, сравнительные изображения старого и нового обрядов (рис. 3, 4), сцены Соловецкого восстания и т. д.). Но принципиальным является то, что для пропаганды ценностей старой веры выбрана форма, принадлежащая культуре Нового времени, форма настенной картинки. То есть старообрядцы не видели в лубочной картинке чего-то чужеродного, несвойственного традиционной русской культуре. Единственным препятствием для распространения лубка в старообрядческой среде оказалось отсутствие типографий, поэтому пришлось обратиться к ручному копированию лубочных изображений. При этом вторичность рисованного лубка по отношению к гравированному у исследователей сомнений не вызывает[1].

Большинство старообрядческих лубочных листов ориентировано на церковнославянский язык, а не на русский литературный, что, очевидно, связано с установкой старообрядческой культуры на древность, благочестие и т. д. Во многих проявлениях (изображение, ориентированное на книжную миниатюру, назидательный, а не развлекательный характер текстов, церковнославянский, а не русский язык) рисованный лубок транслировал традиционную, а не модернизированную культуру. Однако проникновение самого лубочного жанра в старообрядческую среду говорит не только об универсальности жан-

[1] Составителю каталога рисованного лубка Е. И. Иткиной известны лишь два случая, когда первичной является рисованная картинка: портреты Андрея Денисова и Даниила Викулова были напечатаны в Москве во второй пол. XVIII в. по рисованным оригиналам [Иткина 1992: 19].

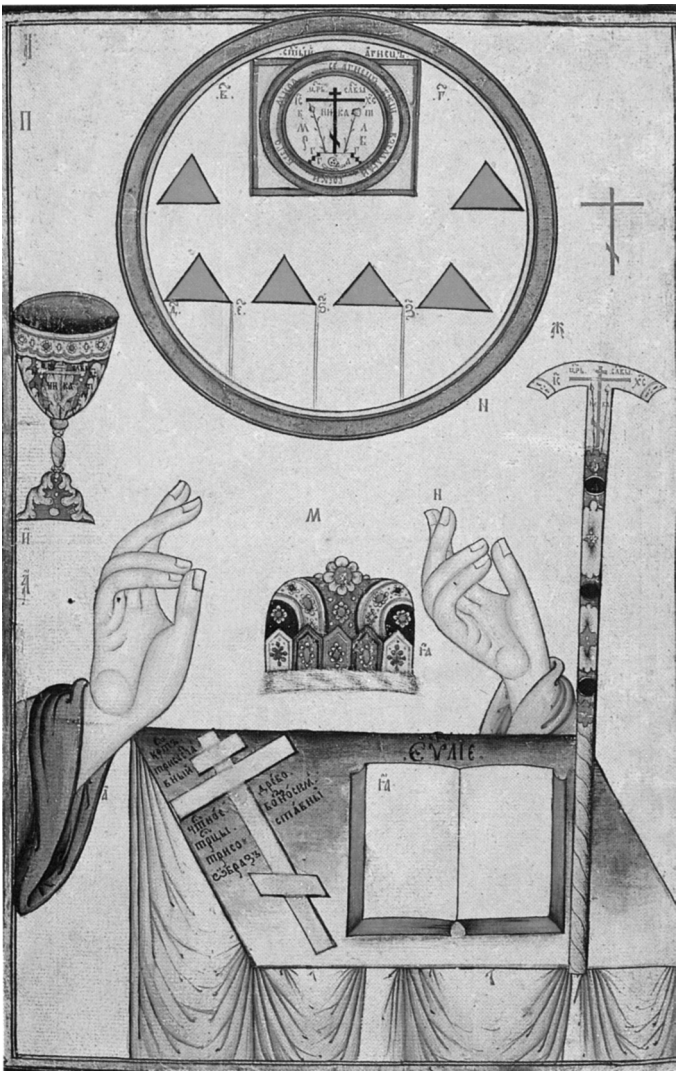

Рис. 3. Атрибуты обрядности и символики, принятые в господствующей церкви. Старообрядческий лубок кон. XVIII — нач. XIX в. [Иткина 1992: 58]

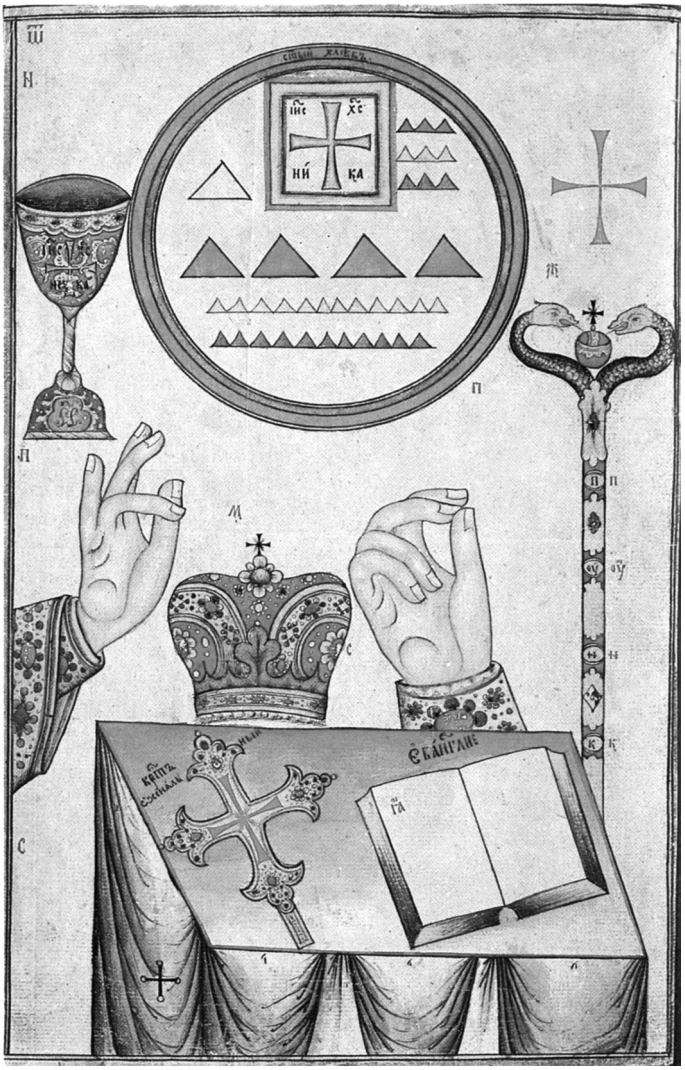

Рис. 4. Атрибуты обрядности и символики, принятые у старообрядцев. Старообрядческий лубок кон. XVIII — нач. XIX в. [Иткина 1992: 59]

ра, но и о том, что старообрядцы принимают модернизацию культуры в ее определенных видах.

Исходя из сказанного выше, я считаю возможным использовать при исследовании текста библейских лубков как печатные листы, так и рисованные.

1.2.3. Лубочная словесность и ее аудитория

Проанализированный в этой книге материал связан с проблематикой изучения народной (= лубочной) литературы, для которой, как говорилось выше, противопоставление текстов по способу печати оказывается не столь существенным: лубочная литература — это не только лубки (гравированные листы и книги, рисованные листки), но и издания тех же текстов типографским набором.

Для определения того или иного произведения как лубочного важно не только его назначение или способ производства, важна его ориентированность на определенную, специфическую читательскую аудиторию. Аудитории читателей лубочных текстов и читателей произведений русской литературы XVIII—XIX в. почти не совпадают[1]. Такой подход к лубочной письменности был намечен в 20-е годы в работах В. Б. Шкловского, Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова[2]. В 1929 г. увидели свет две основывающиеся на этом подходе монографии [Шкловский 1929; Гриц и др. 2001]. В настоящее время в этом направлении активно работает А. И. Рейтблат [Рейтблат 1991; 2001; 2009 и др.].

Исследователей, практикующих подход, основанный на социологическом аспекте, логичнее было бы называть историками литературы, тем более что предмет своего исследования они определяют как лубочная литература, но, увы! в литературоведении под литературой понимаются тексты, адресованные совершенно другому кругу читателей, написанные в другой стилистике и поэтике и отчасти на другом языке. «Под термином “лубочная литература”, — отмечали авторы монографии “Словесность и коммерция”, — обычно понималась литература, не удовлетворяющая эстетическим вкусам известного круга читателей и служащая, прежде всего, для массового потребителя» [Гриц и др. 2001: 18]. Таким образом, исследовательская ценность лу-

[1] Подробнее об этом см. раздел 1.3.1.

[2] О начале исследований соотношения «литературы с ближайшими социально-бытовыми рядами» см. [Гриц и др. 2001: 7—8].

бочной литературы, как литературы коммерческой, состоит в ее идеальном соответствии литературным и языковым пристрастиям своей аудитории. Исследование языка лубочной литературы дает ответ на вопрос, чем письменный язык социальной группы, на которую эта письменность была ориентирована, отличался от письменных языков других социальных групп.

В XVIII—XIX в. лубочная письменность являлась аналогом того, что сейчас называют массовой литературой[1]. Классическое литературоведение не интересуется массовой литературой. Его интересует элитарная литература, по отношению к которой и употребляется термин «литературный процесс». Другие типы словесности начинают привлекать внимание историков литературы лишь в тех случаях, когда та или иная литературная школа сознательно обращается к ним, как, например, романтизм обращается к фольклору.

Совершенно иная картина получится, если в центре интереса исследователя окажется не литературная эволюция, а взаимоотношения текста и читателя. При таком подходе приобретают актуальность статистические характеристики. Сразу же выясняется, что развитие литературного процесса определяют одни тексты, а вкусы массового читателя — совершенно другие. Известно, что тираж пушкинского «Современника» не превышал 600 экземпляров, в то время как тираж презираемой культурной элитой «Библиотеки для чтения» Сенковского составлял 5 тысяч экземпляров [Гессен 1930: 142—143; Гриц и др. 2001: 250]. И если материалом для историка литературного процесса будет «Современник», то для исследователя повседневного чтения — «Библиотека для чтения». Тираж наглядно свидетельствует о популярности издания и, следовательно, является показателем того, что данный журнал или книга в эстетическом и языковом отношении устраивает своих читателей. Возвращаясь к лубку, напомню, что тиражи лубочных изданий были весьма значительны.

Исследователями уже было отмечено, что лубочная письменность исполняла роль посредника между литературой (в самом широком смысле) и фольклором. По словам Ю. М. Лотмана, «массовая литература представляет собой фольклор письменности и письменность фольклора ⟨...⟩ выполняет роль резервуара, в котором обе эти группы

[1] Конечно, среди лубков встречаются и изображения, практически лишенные текста. Однако бóльшая часть этих листов имеет четкую связь с соответствующими текстами даже в тех случаях, когда подпись под картинкой отсутствует. Так, например, изображение Бовы Королевича или Полкана очевидно связано со сказкой о Бове.

текстов обмениваются культурными ценностями» [Лотман 1973: 21]. Непреодолимой преграды между массовой (лубочной) письменностью и фольклором не было. Именно лубочная письменность создала прецедент тиражирования текстов, которые прежде бытовали лишь в устной (и иногда в рукописной) традиции: былины, раешные ярмарочные стихи, песни и т. д. Факты лубочных публикаций фольклорных текстов общеизвестны. Но лубок адаптирует и литературные тексты. В лубочном варианте встречаются и заметки из русских газет[1] (рис. 5), и переработки текстов Священного Писания, и тексты русской классической литературы, например ломоносовское переложение первого псалма[2] или же пушкинская «Сказка о попе и его работнике Балде» [Клепиков 1949].

Этот разнородный материал лубочная письменность легко усваивает и изменяет в соответствии со вкусами своего читателя. «Подобно просторечию, адаптировавшему по своим меркам литературный язык, — писал в свое время Н. И. Толстой, — народно-городская, или "лубочная", литература приспособила ряд произведений, сюжетов и тем элитарной литературы к народным представлениям и мещанским вкусам Никольской улицы» [Толстой II: 14—15].

Однако влияние осуществлялось и в обратном направлении. Лубочные тексты оказали определенное влияние на произведения русской классической литературы. Именно лубку обязан своим появлением гоголевский «Нос» [Плетнева 2003] (рис. 6); к лубку восходит и ряд сюжетных ходов «Руслана и Людмилы»[3].

Итак, лубочные тексты мы помещаем в раздел массовой литературы. И в этой связи сразу встает несколько вопросов. Какое образование получает читатель массовой литературы? Какова его языковая компетенция? Какие тексты он читает? И каков язык этих текстов? Попробую на них ответить.

---

[1] Например, лубочная картинка «Известия о поймании кита в Белом море в июне 1760 г.» [Ровинский 1881, II: № 320] воспроизводит заметку из Московских ведомостей от 21 июля 1760 г., а лубок «Известие о бедствии, постигшем Македонию в 1761 году» [Там же: № 322] — заметку из той же газеты от 23 июня 1761 г.

[2] См. настоящее издание {III. 2}. Здесь и далее в фигурных скобках обозначается номер публикуемого текста. Римская цифра соответствует номеру раздела в части «Комментированное издание», арабская цифра — номеру текста внутри данного раздела.

[3] Имя пушкинского героя и ряд эпизодов «Руслана и Людмилы» восходят к бытовавшей в лубочной письменности сказке о Еруслане Лазаревиче.

1.3. Лубок и традиционная грамотность

Лубочная письменность сохраняет и развивает традиции городской литературы конца XVII — начала XVIII в. При этом о круге чтения и вообще о культуре городского мещанства известно очень мало. Это связано с тем, что эта среда дала крайне мало мемуаристов, а этнографы и фольклористы интересовались жизнью крестьян, а не горожан. Поэтому наиболее существенный материал, касающийся бытования лубка, обнаруживается в описаниях быта крестьян, сделанных в XIX веке. Использование информации, относящейся к более позднему периоду и к иному сословию, в данном случае вполне правомерно. Как известно, культура XVII в. была общенациональной и еще не носила сословного характера. В XVIII—XIX вв. именно крестьяне дольше всех сохраняли этот тип культуры.

В XIX в. лубочная книжность широко распространяется среди крестьян. Лубочные листы продавались на городских ярмарках, а оттуда разносились офенями по всей стране. Именно в деревне лубки сохраняются вплоть до начала XX века, именно здесь их находят коллекционеры и фиксируют этнографы. Основные этнографические свидетельства говорят о бытовании лубочной письменности среди крестьян, жизнь которых этнографы исследовали более охотно, чем жизнь горожан.

В период между петровскими преобразованиями и осуществленной большевиками в первой трети XX в. ликвидацией неграмотности культура России имела отчетливо сословный характер. При этом языковая компетенция людей, получивших образование не ниже среднего, очень сильно отличалась от языковой компетенции остальной части населения страны. Письменный язык и круг чтения людей, получивших среднее и высшее образование, примерно соответствует нашим представлениям о русской культуре XVIII—XIX вв. Именно дворянско-разночинская образовательная модель легла в основу большевистской программы ликвидации неграмотности и постепенного перехода к всеобщему среднему образованию. И жителям современной России, чей круг чтения и языковая компетенция формировались на основе именно этой модели, дворянско-разночинская культура кажется единственно возможной.

Между тем в дореволюционной России был представлен и иной тип языковой компетенции. Вплоть до начала XX в. в крестьянской среде (а в XVIII — нач. XIX в. и в городах) существовала система до-